

Счастливые Детские

Наталья Александрова

ДВЕ ДАМЫ
с попугаем



Детектив-любитель Надежда Лебедева

Наталья Александрова

Две дамы с попугаем

«Автор»

2009

Александрова Н. Н.

Две дамы с попугаем / Н. Н. Александрова — «Автор»,
2009 — (Детектив-любитель Надежда Лебедева)

Что делать, если после двадцати лет совместной жизни муж уходит к другой в лучшем костюме и домашних тапочках, а из совместно нажитого имущества забирает с собой только любимую собаку? «Вырвать его из сердца и забыть навсегда», – считает Алла Тимофеева. Но ее подруга Надежда Лебедева уверена: все не так просто. Не зря в кругу знакомых она слывет гениальным детективом-любителем. Ясно, что Петюнчика похитили. Основная задача – убедить в этом Аллу. И две подруги отправляются навстречу приключениям, прихватив с собой говорящего попугая Кешу. Погони, схватки, привидения в подzemелье старого замка, пропавшее сокровище – все это у них, конечно, будет. Но что ждет Аллу и Надежду в конце пути? Книга также выходила под названием «Компромат на суженого».

© Александрова Н. Н., 2009

© Автор, 2009

Наталья Александрова

Две дамы с попугаем

Телефонный звонок раздался очень не вовремя. Надежда стояла на табуретке и скребла потолок в коридоре. Она занималась этим с полудня субботы, к вечеру телефон стал звонить часто и она поставила его на шкаф, чтобы не скакать туда-сюда. Звонила приятельница Алка.

– Привет! Ты как? – Голос у нее был какой-то кислый.

– Я-то? Я на потолке. Ремонт затеяла. Хочу, пока Саши нет, коридор побелить и поклеить. А еще окна покрасить.

– Ты в отпуске, что ли?

– Да нет. Нас на работе выгнали в принудительный за две трети оклада. А Саша уехал с внуком на две недели на рыбалку.

– А ты-то что не с ними?

– А его приятель пригласил, Пашка Соколов, у них избушка где-то на Вуоксе, там только озеро и лес вокруг. Что мне там делать? Рыбу я ловить не умею, а грибов еще нет. Пусть они там самостоятельно вчетвером поживут – два дедушки, два внука. А у тебя какие новости?

– Новости? Посмеяться хочешь? От меня Тимофеев ушел.

– Чего? – Надежда дернулась от неожиданности, табуретка покачнулась, она протянула руку, чтобы опереться о шкаф, удержалась, не упала, но телефон соскользнул со шкафа и грохнулся на пол. Надежда со стоном слезла с табуретки, подняла расколовшийся аппарат, трубка, естественно, молчала.

– Этого только не хватало, теперь новый аппарат покупать!

Под ногами шуршали оборванные обои и куски штукатурки. Что там случилось у Алки? Теперь не узнать. Можно перезвонить от соседки Марии Петровны, но она будет слушать разговор, потом начнет задавать вопросы, потом усадит пить чай, а времени уже десятый час, она, Надежда, устала за день – сил нет. С утра проводила мужа с внуком на вокзал, потом домой, прибралась, постирала, потом занялась коридором, и вот теперь этот Алкин звонок.

Поссорились они с мужем, что ли? Хотя они никогда не ссорились, не потому, что у Алки был такой ангельский характер, а потому что Алкин муж Петр Николаевич Тимофеев, которого Алка звала Тимофеевым, а все остальные – Петюнчиком, был человеком, с которым вообще невозможно поссориться. Петюнчик имел внешность самого настоящего клоуна, ему не надо было гримироваться, чтобы смешить людей. Он был небольшого роста, а голова очень крупная, абсолютно лысая, с длинным носом и большими оттопыренными ушами. Петюнчик никогда не спорил ни с кем, был очень покладистый и трудолюбивый. Он много помогал Алке по хозяйству, воспитывал сыновей и между делом защитил две диссертации, получил степень доктора наук и теперь служил начальником отдела в каком-то институте. И на работе он почти со всеми жил мирно, а в тех редких случаях, когда он почему-либо выходил из себя, он становился настолько уморительным, что спорящий с ним человек просто выбегал из комнаты, задыхаясь от смеха.

Так что либо Надежда чего-то недопоняла или недослышала, либо Алка совсем спятила. Куда там ее Тимофеев ушел? В магазин, что ли, или с собакой гулять?

У Алки была большая семья: муж, два сына девятнадцати и шестнадцати лет, овчарка Гаврик, кошка, попугай и, кажется, еще рыбки, если кошка их не съела. Вся эта семейка, не считая рыбок и Петюнчика, беспрерывно орала, лаяла и мяукала, а попугай делал все три вещи одновременно.

Надежда с Алкой дружили еще со школы, но виделись редко, потому что выносить это сборище в больших количествах Надежда была не в состоянии. Алка работала в школе не простым преподавателем, а завучем старших классов и за долгие годы работы выработала в

себе командный голос и твердую походку. Правда, неумная энергия и зычный голос были у нее с детства, поэтому Алка поздно вышла замуж: мужчины не любят слишком активных громкоголосых женщин.

От природы Алка была рослая крупная девица, поэтому рядом со своим будущим мужем Петюнчиком, учитывая его рост и внешность, смотрелась карикатурно. Знакомые хохотали в голос, но Алку это не остановило, они поженились.

Надежде Алкин муж нравился, она справедливо полагала, что выдержать Алкин характер двадцать лет и ни разу не поссориться – это хорошая проверка брачных уз на прочность. Но чего в жизни не бывает? Неужели Алкин муж все-таки ушел к другой? Не может быть! Неужели нашлась женщина, которая взяла его с такими ушами? Ни за что не поверю!

Размышляя таким образом, Надежда машинально замела куски обоев, вынесла все в мусоропровод, с грустью посмотрела на разведенный клей в тазике, порадовалась, что отвезла кота Бейсика к матери на дачу, иначе он такое устроил бы сейчас с обоями и клеем! Надо было что-то решать. Надежда распрямила ноющую поясницу, поохала немного самой себе и стала собираться к Алке домой. Метро к ней прямое, минут за сорок она доберется, сейчас еще достаточно светло, середина июня все-таки. Наскоро смыв пыль с лица и рук, она решила, что душ примет, когда вернется, а если заночует у Алки, то там и вымоется. Она натянула джинсы и куртку, в которых обычно ездила на дачу и поспешила к станции метро. Алка, казалось, ничуть не удивилась ее приходу. Она сумрачно кивнула Надежде и посторонилась, пропуская в дверь. В квартире была непривычная тишина и жуткий беспорядок. Все шкафы были раскрыты, ящики вывалены, диван завален каким-то тряпьем и старыми газетами, на полированной мебели виднелся слой пыли, примерно двухдневной, как машинально ответила про себя Надежда.

– Пошли на кухню, там почище, – вяло сказала Алка.

Она была в каком-то замызганном халате, растрепанная, Надежда ее никогда не видела в таком виде и забеспокоилась. На кухне было действительно поприличнее. Неизвестно откуда взявшаяся кошка прыгнула к Надежде на колени.

– Здравствуй, Марфуша. Алка, а где все-то у тебя? – спросила Надежда, удивляясь тишине.

– Где все? – Алка огляделась, потом встала, сдернула платок с какого-то сооружения на холодильнике.

Сооружение оказалось клеткой с попугаем. Попугая этого несколько лет назад подарил Алке плавающий папаша одного из ее учеников. Он купил его на Кубе у местного нищего за сто долларов, по тем временам это была огромная сумма денег, поэтому отказаться Алка не посмела. Попугай был говорящий, причем заговорил он только в России, поэтому все слова употреблял русские. Сейчас попугай сидел в углу, нахохлившись. Кошка на коленях у Надежды наострила уши.

– Вот мы все перед тобой, больше никого нет, аквариум с рыбами где-то у Пашки в комнате затерялся. Марфа, ты рыб не видела? – обратилась она к кошке на полном серьезе.

Марфа сделала вид, что не слышит.

– Сашка в Америке, ты же знаешь, а Пашка позавчера уехал к маме в Истру.

Верно, Надежда и забыла, старший Алкин сын Сашка уже почти год жил и учился в США по какой-то там специальной программе для студентов, а мать Алки была родом из подмосковного города Истры и после смерти Алкиного отца уехала туда жить к родственникам.

– Ну, что у тебя стряслось-то, давай, говори, зря я, что ли, тащишься к тебе на ночь глядя?

– Говорят тебе, Тимофеев меня бросил, – в голосе Алки слышались злые нотки, Надежда даже обрадовалась, а то сидит какая-то вялая, хоть бы накричала, что ли.

– С чего ты это взяла?

– На, читай, – Алка протянула ей тетрадный листок.

– «Дорогая Алла, – прочитала Надежда вслух, – я встретил другую женщину, она меня понимает лучше, чем ты, поэтому я уйду к ней навсегда. Петр. Собаку забираю с собой».

– И все? Бред какой-то.

– А что еще? Коротко и ясно. Встретил и ушел.

– Ну не знаю, как же дети, квартира, где он жить-то будет?

– У нее, наверное.

– Кошмар, вот бы никогда не подумала, такой был тихий приличный мужчина. Ты что это там пьешь?

– Валерианку, уже почти пузырек выпила, а все равно переживаю.

Надежда поняла, почему Алла такая заторможенная, вырвала у нее из рук стаканчик, отобрала лекарство.

– С ума сошла, с сердцем будет плохо, давай лучше чаю выпьем.

– Ну, давай, – Алке было все равно, а Надежда ужасно хотела есть, но, заглянув в холодильник, ничего съедобного там не нашла.

Там стояла только банка консервов для кошки Марфы и кастрюля с костями для собаки.

– Ну, хоть печенье у тебя есть какое-нибудь?

Алла протянула ей собачьи галеты.

– Нет, собачьи галеты я есть не могу, зубов жалко. Послушай, а как это он, собаку с собой забрал, а печенье оставил, галеты эти-то тебе ни к чему?

Алла посмотрела на нее в полном недоумении. Надежда поняла, что Алла совершенно ее не слушает и думает о чем-то своем. Алке необходимо было срочно отвлечь от этих нехороших мыслей, и Надежда продолжала, повысив голос:

– И что это у тебя в квартире такое светопредставление? Прямо как Мамай прошел. Искала что-нибудь?

– Да нет, это уже так было. Наверное, он, когда собирался, торопился очень.

– А что это он так торопился? Двадцать лет не торопился, а теперь вдруг заспешил, невтерпеж ему, что ли?

Видя Алку в таком состоянии, Надежда уже начинала злиться на Петюнчика, но одернула себя и, по здравом размышлении, удивилась. Насколько она знала Алкиного мужа, он вообще никогда не торопился, все делал обстоятельно и не спеша, говорил тихим голосом. Конечно, любовь меняет человека, спору нет, но все-таки, что-то тут не то.

Надежда усадила Алку в кресло, помахала у нее перед лицом растопыренной ладонью, чтобы привлечь к себе внимание.

– Алла, не спи. И зачем ты столько валерианки выпила? Вот теперь ничего не соображаешь. Ты скажи, когда ты про это узнала, записку эту когда увидела?

Алла очнулась, глянула осмысленно.

– Сегодня утром.

– Так, утром... – Надежда встрепенулась. – Как утром? Сегодня же суббота, ты что, дома не ночевала, что ли?

– Ну, не ночевала, так получилась. Слова из Алки приходилось тянуть клещами.

– Вот что, подруга, давай-ка все-таки хоть пустого чаю выпьем, и ты мне все подробно расскажешь. Торопиться нам некуда, я у тебя ночевать останусь, так что давай, начинай, – сказала Надежда, отхлебывая чай.

– Сидят! Чай пьют! – заорал вдруг попугай Алкиным голосом.

Надежда аж подскочила на месте.

– Господи помилуй, так кондрашка хватит! Слушай, а ты животных-то кормила? Может, попугай голодный? Кеша, Кешенька! – она погладила перышки.

Попугай больно клюнул Надежду в палец. Алла механически насыпала в кормушку семечек, налила воды. Надежда в это время кормила кошку.

- Рыб не найти, – равнодушно проговорила Алка, – ну и черт с ними.
- Ты не отвлекайся, рассказывай, где тебя носит, что ты дома не ночуешь.
- Репетиторством занимаюсь. Должен же кто-то деньги зарабатывать!
- По ночам, что ли?
- Да нет, тут случайность. В общем, позвонили мне как-то и попросили обучать русскому одного иностранца. И между прочим, тридцать долларов за урок, такие деньги на дороге не валяются!
- А почему это они к тебе обратились? Ты же кроме русского, никакого другого языка не знаешь.
- Ну почему же? Я по-английски могу более-менее объясниться.
- Все-таки как-то странно. Ты обычная учительница в школе, опытная, конечно, но всю жизнь преподавала детям русский и литературу и вдруг такое предложение. Ведь для иностранцев специальная методика должна быть.
- Так я же тебе объясняю, а ты все время перебиваешь. Я им и говорю то же самое, а они, он то есть, потому что мужчина звонил, говорит, что меня им рекомендовала моя приятельница, очень меня хвалила, я и согласилась.
- Какая еще приятельница?
- Раньше у нас в школе работала, Ира Стрельникова. Она давно уволилась. А этот мужчина представился директором фирмы, какой забыла, у него гость живет, его партнер, того и надо обучать. Причем оказалось, что он по-русски уже немного говорит, а хочет научиться читать и писать, я его и обучала.
- И долго?
- Три занятия было. Они меня на дачу возили.
- В какое время?
- Да в разное. Днем, в июне ведь занятий в школе уже нет, можно всегда несколько часов выкроить. Иностранец такой симпатичный, средних лет, зовут Герберт, по национальности не то немец, не то швед.
- Да ты ведь не отличишь?
- Верно, я по-немецки только «Хенде хох!» знаю, а по-шведски вообще ничего. А вчера он позвонил мне в школу, говорит, если можно, вечером позаниматься.
- Кто позвонил-то?
- Директор фирмы, Игорь Петрович, мой наниматель, он мне деньги за уроки платил. Подъехал прямо к школе и отвез на дачу, это по Выборгскому шоссе, на машине минут сорок, а сам уехал. Позанимались мы с Гербертом, потом чайку попили, я жду-жду, не едет Игорь Петрович. Потом звонит, извиняется, говорит, что попал в легкую аварию, сам ничего, а машина разбита, ехать нельзя. Времени десятый час, я туда-сюда, а Елена, жена Игоря Петровича и говорит, что на машине-то до города близко, а до станции пешком километров шесть. Ну куда я ночью шесть километров попрусь? Они и оставили меня ночевать.
- А мужу ты хоть позвонила?
- Позвонила, только не застала, он, наверное, с Гавриком гулял. А потом сели мы втроем ужинать, они меня каким-то ликером напоили, я немножко опьянела и забыла перезвонить.
- А утром?
- Утром проснулась, голова тяжелая, поискала мобильный телефон, не нашла. Потом думаю, что неудобно на людях с Тимофеевым объясняться, поеду уж домой. Приезжаю и вот застаю такой разгром и записку.
- Записка где лежала?
- Не помню, где-то в комнате, на виду.
- А когда тебе Петюнчик раньше записки оставлял, он куда их клал?
- На холодильник прикреплял.

Всем Алкиным знакомым была известна Алкина система ведения домашнего хозяйства. Она оставляла мужу и детям подробные списки хозяйственных дел, требуя, чтобы каждое выполненное дело они обводили в кружочек. Если проверяя списки в конце дня, она обнаруживала, что кружочков в списке меньше половины, то сыновей Алка наказывала материально, а мужа – морально. Дела, не выполненные сегодня, автоматически переписывались на завтра. Таким образом, холодильник в Алкиной кухне был просто утыкан записками. Правда, сегодня холодильник был чист, не попугаю же записки писать! И все-таки, почему Петюнчик оставил записку не как обычно, на холодильнике, а в комнате? Хотел подчеркнуть важность момента?

Алка вдруг поставила чашку с недопитым чаем, вскочила и бросилась в ванную. Выйдя оттуда через десять минут, она была бледная, с кругами под глазами. Надежда подозрительно на нее посмотрела.

– Что это с тобой? Тошнит? Ты что ела-то?

– Да сегодня ничего не ела, только там у них на даче кофе попила с булочкой.

– Может, от голода?

– Да нет, мне еще утром было нехорошо, наверное, после вчерашнего ликера. Я думаю, уже пора совсем со спиртным завязывать, старые мы стали.

«Не обобщай», – подумала Надежда, но вслух ничего не сказала, чтобы еще больше не расстраивать Алку.

Еще раз она оглядела большую комнату.

– Все-таки странно, ты можешь вспомнить за двадцать лет хоть один случай, чтобы твой муж оставил после себя такой разгром?

– Но ведь за двадцать лет он еще ни разу не уходил от меня к другой женщине, – резонно возразила Алка.

Надежда воспряла духом: Алка мыслит вполне здраво, стало быть, еще не все потеряно.

– Значит так, сними этот жуткий халат, видеть тебя в нем не могу, волосы причеши. Теперь скажи, когда ты своего Тимофеева последний раз видела?

– Сегодня что у нас, суббота, значит, вчера утром, ой нет, утром я спала, он сам на работу собирался.

– Значит, в четверг вечером?

– Нет, в четверг у нас в школе был выпускной, я пришла после двенадцати, он уже спал.

– Но хоть спящим ты его видела? – заорала потерявшая терпение Надежда. – Ты можешь с уверенностью сказать, что рядом с тобой спал именно твой муж, а не кошка, не собака и не какой-то посторонний мужчина?

– Ну что ты кричишь, голова болит. Ну разумеется, могу сказать: видела его спящим в ночь с четверга на пятницу.

– Хоть какой-то прогресс. Это же уму непостижимо, сутками не видеть собственного мужа! Неудивительно, что... – Надежда прикусила язык, но было уже поздно.

– Что – неудивительно? Что мой муж меня бросил? Что ты смотришь на меня свысока? Ты на своего муженька не надышишься, потому что вы только вдвоем. А у меня на шее вся эта компания, да еще школа, двадцать лет как заведенная, в зеркало на себя некогда посмотреть!

– Ну, давай, себя жалей, что тебе хуже всех, а другие все в золоте и бриллиантах!

Насчет Надежды Алка была права и не права. Муж у Надежды был второй, они поженились пять лет назад, к тому времени оба были они людьми одинокими, дети у них были взрослыми, имели свои семьи. Надежда с мужем жили только вдвоем, а вместо ребенка воспитывали кота. Надежда долго жила одна, привыкла быть самостоятельной, а когда познакомилась со своим будущим мужем, он вначале ужасно ей не понравился. Сан Саныч работал с Надеждой в одном НИИ, был ее непосредственным начальником. А потом случилось много всего неприятного и страшного, Надежда просто не могла не прийти на помощь Сан Санычу в трудную минуту и за несколько месяцев они так привязались друг к другу, что уже просто не

могли существовать порознь. Когда они поженились, муж уволился из НИИ и нашел себе другую работу. Теперь денег, конечно, не хватало, как и всем, но одно дело, когда двое взрослых людей живут вместе, оба работают, а другое, когда здоровенные парни требуют все время еды, одежды, еще чего-то, да еще полон дом зверей. Петюнчик, конечно, тоже что-то зарабатывал, но все деньги как в прорву уходили в эту семейку. Алке приходилось нелегко, да еще школа постоянно высасывала все соки. Надежде стало стыдно.

– Ладно, поорали и будет, ты меня прости. Но все-таки вспомни, ты в последнее время ничего странного за ним не замечала? Ну, может, он задумчивый какой-то стал, или тебе грубить начал? А поговорить в последнее время он с тобой не пытался?

Алка наморщила лоб.

– Знаешь, вроде хотел он мне что-то сказать. Но у меня в июне сначала экзамены, потом медальная комиссия, потом педсовет, потом выпускной, это не считая всяких хозяйственных дел, как-то я закрутилась.

– Вот, а в результате получила такую записку и все. Знаешь, давай все-таки немного в комнате уберем, заодно посмотрим, что он искал такое.

Они стали складывать вещи в шкаф, попутно Алка определяла, чего не хватает из одежды.

– Так, костюм выходной он взял, а ботинки почему-то нет, рубашек не хватает, хотя, может, они в грязном? Свитер, кажется, взял, брюки, хотя нет, брюки здесь, да и свитер тоже.

Алка прошла в коридор, порылась в шкафчике для обуви.

– Ничего не понимаю, вся обувь на месте, неужели он старые кроссовки надел, в которых он с собакой гуляет?

– Посмотри документы и деньги.

– Вот тут паспорт лежал, его нет, и деньги все взял.

– Денег много было?

– Получка вся моя, его, но кое-что Пашка взял с собой, в общем, тысяч шестьсот. А это что?

Там же в баре лежали две коробочки с Алкиными единственными драгоценностями, кольцом и сережками, которые Петюнчик подарил ей на рождение сыновей. Коробочки были пусты.

Подруги недоуменно уставились друг на друга. По всему выходило, что Петюнчик ушел в новую жизнь в выходном костюме и в собачьих кроссовках, прихватив с собой все деньги и драгоценности жены. Не вызывало удивление только то, что он взял паспорт. Оглядев еще раз пустые коробочки, Алка начала закипать.

– С-скотина! Он же сам мне их подарил, я же ему двух детей родила! А он этой стерве... кольцо мое и серьги!

– Подожди, подожди, остальные документы проверь.

– Это в столе.

Они пошли в другую комнату, посмотрели в ящике письменного стола, все документы были на месте.

– Ну, свидетельство о браке ему сейчас ни к чему, но военный билет должен же он был взять! Дипломы, справки, за всю жизнь много всего накопилось, это же все ему нужно!

Надежда еще раз посмотрела на записку.

– Слушай, а ты уверена, что это Петюнчик писал? Почерк его?

Алка посмотрела на нее и молча pokrutila пальцем у виска.

– Сама можешь сравнить. Вон возьми из нижнего ящика, там его рукописи.

Петюнчик все-таки был доктором наук и много работал дома. Надежда открыла ящик, он был пуст.

– Значит, рукописи свои он взял, а диплом об окончании университета – нет. Непонятно!

Надежда оглядела комнату. Они с Алкой кое-как распихали разбросанные вещи, и теперь в квартире можно было существовать.

– Вот что, Алка, ты как хочешь, а я не засну на голодный желудок. Я сегодня без обеда, у тебя есть нечего, давай пойдем в магазин и купим.

– Какой магазин, двенадцатый час уже!

– Пойдем в «24 часа», хоть что-то там есть.

– Там же все дорого.

– Ничего, разоримся, а то я все равно не засну. Пойдем, заодно воздухом подышим, ночью воздух свежий, не жарко. Ты оденься похуже, никто нас не заметит.

Алка нехотя принялась одеваться. В джинсы она давно уже не влезала, поэтому надела длинную темную юбку, а сверху Пашкину черную футболку с надписью «Металлика».

– Прохладно, наверное, надо еще что-нибудь.

Она поискала на вешалке, потом сказала:

– Знаешь, еще джинсов нет, домашних, и старой Пашкиной куртки, мы с Тимофеевым ее по очереди надеваем, когда с Гавриком гуляем.

– Так, значит, он оделся, как с собакой гулять, взял опять-таки собаку и ушел из дома. Ну и ну!

Тут Надежда вспомнила, что Алкин муж был совершенно лысый.

– А на голову он что надевал, когда с собакой ходил?

– Кепочку, такую оранжевую, ему Сашка из Штатов прислал. Слушай, а у тебя деньги есть, в магазин-то идти, а то у меня кошелек пустой, все Тимофеев забрал.

– А где же у тебя все доллары, на иностранце заработанные? – съязвила Надежда.

– Ой, – Алка оживилась, потом скрылась в ванной и выскочила оттуда, держа в руках тоненькую пачку долларов в полиэтиленовом пакете.

Как все нормальные люди, она откладывала деньги на черный день в долларах, чтобы не пропали и не обесценились. И хранила их Алка в оригинальном месте.

– Смотри-ка, все цело, и еще вчерашняя тридцатка.

– Где же ты их прячешь в ванной?

– Ни за что воры не догадаются! Скотчем сзади к стиральной машине приклеиваю.

– А Петюнчик про это знал?

– Конечно, знал, он и придумал.

– Значит, он сережки с колечком, тебе подаренные, взял, а доллары оставил? Ой, не сходятся у нас концы с концами, либо твой муж полный идиот, чему я никогда не поверю.

Они спустились вниз. Несмотря на позднее время, на улице было довольно оживленно: белые ночи, да еще суббота.

– Давай, Надя, через собачий пустырь пройдем, так короче.

По тропинке шел припозднившийся собачник, поздоровался с Алкой.

– Это со второго этажа, ризеншнауцер у него.

Немного погодя из разросшейся лебеды выскочил ризеншнауцер, держа в зубах что-то оранжевое. Он остановился на тропинке и принялся это что-то яростно трепать. Хозяин свистнул где-то далеко. Пес бросил оранжевые лохмотья и понесся на зов. Алка наклонилась и подняла рваную засаленную оранжевую кепочку с оторванным козырьком. Изнутри сохранилась надпись: «Майе т ША». Надежда достала полиэтиленовый пакет, аккуратно завернула в него кепочку и они побрели дальше в полном молчании.

Напившись наконец нормального крепкого чая и съев два больших бутерброда с колбасой, Надежда успокоилась. Подруги решили укладываться.

– Алка, дай полотенце, я душ приму.

– А горячей воды нет, – невозмутимо ответила Алка, – на прошлой неделе на месяц отключили.

– Кошмар какой! Слушай, как хочешь, а я вся в пыли, мне чайника не хватит. У тебя есть кастрюля большая, чтобы воды побольше нагреть?

Алка с ворчаньем встала на стул и полезла наверх, где на шкафу стояла огромная кастрюля.

– Помоги мне, держи кастрюлю, пылищи там, я ее раз в год достаю, когда воду горячую отключают.

Однако как ни странно, пыли на крышке не было. Внутри кастрюли что-то шуршало. Это что-то оказалось плотным конвертом из белой бумаги, на котором стояла печать со львом, и было написано на иностранном языке.

– Это по-эстонски, – сказала Алка, – печать их.

Внутри был вложен лист бумаги с текстом и тоже с печатью, к которому скрепкой был приколот листок с переводом, отпечатанным на машинке.

Уважаемый господин Тимофеев!

В ответ на Ваш запрос от 09.01.97 о состоянии и сохранности дома Вашей родственницы Анны Руммо, сообщаем Вам, что ее дом, как представляющий художественную и историческую ценность, перевезен в этнографический музей-заповедник под открытым небом Рокка-аль-Маре в 1986 году.

Секретарь волостной управы Пауль Сепп.

Стул под Алкой угрожающе закрипел, Надежда подхватила кастрюлю, но выпустила из рук крышку, которая с грохотом покатила по полу.

– С ума сошла, час ночи, соседи спят, – прошипела Алка, – дай руку, а то свалюсь.

– Катастр-рофа! – заорал проснувшийся попугай.

– Ты еще тут будешь орать! – накинулась на него Алка.

– Саша-Паша, прекратите, – немедленно отозвался попугай Алкиным голосом.

Надежда внимательно рассматривала письмо.

– Интересный документ. Кто такая Анна Руммо?

– Это его бабка, Тимофеева моего. Она была эстонка, вышла за русского и до войны жила здесь, а потом, когда Эстонию, так сказать, наши освободили, она в пятидесятые годы уехала на родину, там и умерла потом.

– Зачем ему понадобилось про дом узнавать? Сейчас у них, конечно, собственность возвращают, но он ведь не гражданин Эстонии, ему ничего не дадут.

– Ох, не знаю я ничего, даже не знала, что он писал туда!

– А самое интересное, зачем он это письмо в кастрюлю положил, от кого он его прятал-то?

– Ты думаешь, от меня? Вот и на конверте стоит: до востребования, понятно, почему я этого письма не видела.

– Нет, не от тебя. Потому что вот, смотри: на почтовом штампе стоим 11 марта, а сейчас у нас июнь, а положил он это письмо в кастрюлю не больше недели назад, потому что кастрюля чистая, пыли на крышке нету. Ох и аккуратный у тебя муж!

– Вот, теперь у другой жены будет пыль вытирать, – пригорюнилась Алка.

– Ладно, хватит расстраиваться, греем воду и ложимся наконец, я с ног падаю.

Наутро Надежда проснулась рано в отвратительно настроении, потому что от съеденной накануне ночью сомнительной полукопченой колбасы у нее разболелся живот. Найдя на кухне в холодильнике бутылку «боржоми», она приободрилась. Солнце уже встало, день обещал быть жарким, попугай Кеша приветствовал ее на языке племени папуасов «Ромамбо-хара-мамбару!», наверное, ночью ему приснилась родина. Вернувшись в гостиную, где она спала на диване, Надежда заметила на паркете белые следы мокрых кошачьих лап.

«„Если, набрав из-под крана воды, лапы намочите кошке», – вспомнились ей детские стихи. – Интересно!» – она прошла по следам в обратную сторону, оказалась в Пашкиной комнате, с трудом протиснулась в дверь, пролезла между кучами одежды, спортивного инвентаря,

учебников, каких-то радиодеталей и на письменном столе между компьютером и магнитофоном обнаружила аквариум.

Крышка с него была аккуратно сдвинута, внутри радовали глаз водяные растения.

– Красиво, – произнесла Надежда, – а только где же рыбы?

Она прошла в спальню к Алке.

– Алка, вставай, рыбы нашлись!

– Где? – Алка с трудом открыла глаза.

– У Марфы внутри.

– Ну, я так и знала. Зараза, добралась-таки до них!

Кошка обнаружилась на кухне. Аккуратно подогнув под себя лапы, она лежала на холодильнике возле клетки и играла с попугаем в гляделки.

– Вот так она и на рыб смотрела-смотрела, а потом – раз! – и нету.

Алка оглядела аквариум.

– А вообще-то так даже лучше и хлопот меньше, но за попугая, Марфа, ответишь, если что.

– Террор! – присовокупил попугай.

– Как он много слов у вас знает.

– Да, он днем тут один сидит, радио слушает, а вечером Пашка его к себе в комнату берет, музыку ему какую-нибудь свою ставит. А эти группы современные, ты же понимаешь, вот он и нахватался разных словечек. Еще по телевизору рекламу любит смотреть.

С утра Алка выглядела гораздо лучше, чем накануне, она порозовела, глядела бодрее. Про уход Алкиного мужа они дружно старались не говорить. После завтрака Надежда, видя, что Алка в порядке, собралась уходить – ей не давал покоя собственный разоренный коридор. Когда она стояла в прихожей, глядя на прощание кошку Марфу, раздался телефонный звонок. Алка сняла трубку, послушала:

– Да, это наш телефон, да, есть собака, кобель, восточно-европейская овчарка... Что?

Увидев Алкино лицо, Надежда стремглав бросилась в комнату и схватила трубку параллельного телефона. С Алкой говорила женщина, судя по голосу довольно пожилая.

– Ведь ваша собака пропала, не так ли?

– Да, – неуверенно сказала Алка, – можно и так сказать.

– Приготовьтесь к худшему... Дело в том, что мы с Джерри, это мой сеттер, ходили утром гулять и в лесу недалеко от шоссе нашли, вернее, он нашел, мертвую овчарку, кобелька, у нее на ошейнике был ваш телефон. Собака крупная. Спина черная, сама серая с рыжим. Вероятно это ваш, как вы сказали Гаврик. Поскольку Алка молчала, пораженная новостью, Надежда решила вступить в разговор.

– А в каком это месте?

– Мы сейчас живем в деревне, но ходим гулять далеко, Джерри – охотничья собака, ему надо побегать в лесу. Это на шоссе, примерно между Александровской и Горской. Вы ведь приедете посмотреть на собаку? Это надо сделать поскорее, потому что лето, жара, сами понимаете...

– Да, конечно, приедем прямо сейчас, а далеко это от станции?

– Довольно далеко, но я вас встречу и проведу короткой дорогой.

Они условились, в котором часу их ждать и что женщину они узнают по рыжему сеттеру, после этого Надежда повесила трубку. Алка все это время молчала как каменная.

– Алка, прекрати стоять столбом, соберайся, едем.

Алка совершенно потерялась.

– Неужели это Гаврик? Как же так?

– Наверное, убежал и попал под машину. Давай быстрее, человек же ждать будет, неудобно.

– А как же мы его оттуда дотащим?

– А мы не будем его тащить, там похороним, возьми что-нибудь, скатерть старую, что ли.

Алка, как сомнамбула, следовала Надеждиным указаниям. Они долго ехали сначала по городу на метро, потом на электричке. Выходя на нужной станции, Надежда спохватилась, что забыла спросить имя звонившей женщины, но первым, кого они увидели на перроне, был рыжий сеттер Джерри. Надежда окликнула его, он в ответ дружелюбно махнул хвостом и пригласил следовать за собой. Его хозяйка сидела в тенечке, была она здорово немолода, одета с спортивные брюки, ковбойку и кеды. Дамы поздоровались, представились друг другу и тихонько пошли по тропинке к месту нахождения собаки. Надежда забрала у женщины лопату, которую та предусмотрительно захватила с собой. Когда свернули с тропинки в редкий лесок, их новая знакомая Мария Николаевна сказала, что Джерри приведет прямо на место. Алка шла впереди, не оглядываясь, а Надежда тихонько расспрашивала Марию Николаевну. Мария Николаевна охотно отвечала, что сама она бывший ветеринар, сейчас на пенсии, летом живет здесь на даче, что собаку сегодня утром нашел Джерри, она бы прошла мимо, потому что мертвое животное валялось в канаве, скрытое высокой травой. А поскольку она привыкла иметь дело с животными, она не побоялась, подошла и осмотрела собаку. Собака мертва примерно сутки, а может и больше, даже скорей всего часов тридцать.

– А отчего умер Гаврик, как вы думаете? Его сбила машина?

– Нет, его не сбила машина, вот вы сами увидите, собаку кто-то зарезал.

– Боже мой, бедная Алка!

Они нашли это место довольно скоро. Бедный Гаврик лежал в канаве у обочины абсолютно мертвый. Его горло было перерезано, крови вокруг не было. Самое ужасное, что пес был в наморднике, то есть он даже не смог себя защитить. На Алку было страшно смотреть. Надежда даже рассердилась немного, ну можно ли так, все-таки собака, не человек. Но потом вспомнила, как у нее заходится сердце, когда ее рыжий кот Бейсик бежит на даче через дорогу в соседний лесок ловить кротов, и никакие запреты не действуют на нахального котяру, а эти машины носятся как ненормальные, и поняла несчастную Алку.

Мария Николаевна указала Надежде хорошую солнечную полянку недалеко от дороги, и Надежда, пока Алка предавалась скорби, решила не терять времени и начала рыть большую яму. Джерри бегал рядом и пытался помогать ей лапами. Солнце припекало, Надежда вскоре утомилась от непривычной работы, потом подошли Алка с Марией Николаевной, принесли завернутого в скатерть Гаврика. Алка сменила Надежду и принялась с ожесточением рыть землю. Надежда с бывшей ветеринаршей сели под деревом на травке, и Мария Николаевна отдала Надежде ошейник Гаврика. Он был разрезан ножом, очевидно убийца собаки ударил слишком сильно. Мария Николаевна наклонилась к Надежде и тихонько проговорила:

– Может быть, вам будет интересно, но под ошейником я нашла у собаки след от ампулы. И умер он не от удара ножом, а еще до этого, очевидно, ему вкатили здоровую ампулу усыпляющего. Потому и крови вокруг нет, а я еще удивлялась.

– И привезли его сюда на машине, – задумчиво сказала Надежда.

– Да, конечно, уже мертвого. Но кому это понадобилось? У вашей подружки нет недоброжелателей? Какой-нибудь подлец вполне способен так отомстить.

– Мы с ней это обсудим потом.

Они подошли у Алке, Мария Николаевна сказала, что глубина достаточная. Бедного пса опустили в могилу, закидали землей, отметили место камнями и заторопились на электричку. На прощание Мария Николаевна указала им свою дачу, сказала, что она живет там с собакой до октября месяца и что, милости просим, приезжайте, как сможете, сходим навестить Гаврика, а Джерри покажет место в любую погоду.

Народу в поезде было еще немного – в такой чудесный день люди не торопились в город. Алка всю дорогу молчала, стиснув зубы. Потом уже, когда подъезжали к городу, она вдруг сказала, стиснув зубы:

– Никогда ему этого не прощу! Надежда даже рот разинула.

– Алка, ты что, рехнулась? Ты что, думаешь, что это он убил вашу собаку?

– А кто еще? Ведь написал же: собаку забираю с собой! А потом эта его стерва не захотела собаку, вот он и убил Гаврика, сволочь!

Надежда только махнула рукой – что с ненормальной разговаривать!

В метро Надежда с грустью проехала свою остановку – опять домой не попасть, но Алку оставлять одну в таком состоянии было нельзя. Они купили в ларьках возле метро соку, сметаны, овощей и пошли домой. Попугай был на месте, живой, здоровый и встретил их воплем:

– Руки вверх!

– Что это он, фильм про шпионов посмотрел?

– Да нет, это группа такая, у Пашки есть записи.

Надежда нарезала полную миску салата из огурцов, помидоров и зелени, достала из холодильника охлажденный сок, красиво накрыла на стол и позвала Алку поесть. Не услышав ответа, она пошла в комнату и застала Алку на диване в обнимку с кошкой Марфой, проливающей горячие слезы.

– Алка, ты платок возьми, а то кошка уже хоть выжми.

Алка посмотрела мрачно и от еды отказалась. Надежда уже начинала терять терпение: ну взрослая же баба, а ведет себя как ребенок!

– Слушай, ну прекрати капризничать, мне тоже недосуг с тобой возиться! Ты лучше подумай: есть у тебя знакомый, который тебя так сильно ненавидит, что мог бы тебе так отомстить, собаку убить. Мария Николаевна сказала, что очень похоже на месть, в ее практике такое случалось.

– Нет, никто меня не ненавидит, кроме моего бывшего мужа Тимофеева. Он и убил собаку.

– Ну вот опять завела свое! Да с чего ему тебя ненавидеть, вы ведь и не ссорились. Это он от тебя ушел, а не ты от него. И послушай, что-то странно даже: с чего это ты так уверена, что муж тебя бросил. Пропал человек и оставил записку, только и доказательств, что записка. А в записке что сказано?

Надежда нашла на столе записку и опять стала читать вслух.

– «Дорогая Алла», ну тут вся правильно, если не считать того, что Аллой он тебя никогда в жизни не называл. А как он кстати, тебя называл?

– Мамочкой, – как-то смущенно ответила Алка.

– Ну, это при детях, а ночью, в интимные, так сказать, минуты, тогда как?

– Не помню, – Алка помолчала, – у нас последнее время с этим делом как-то не очень, парни взрослые за стенкой, сама понимаешь...

– Ага, а когда они все уехали и можно бы найти время с мужем пообщаться, у тебя педсовет, выпускной, медальная комиссия и что там еще-то? Ну, не буду, не буду, не реви.

Кошка Марфа наконец вырвалась из Алкиных рук и принялась с негодованием умываться.

– Дальше читаем: «я встретил другую женщину», ну, допустим, встретил, так что, сразу уходить?

– Не цепляйся к словам, – разозлилась Алка, – она его понимает лучше, чем я, а что, если действительно так?

– А что его понимать-то? Какие-такие у него проблемы? Сексуальные?

– Да брось ты! – Алка махнула рукой. – Какой там секс? Мы же уже старые!

– Ты что? Твоему Петюнчику еще пятидесяти нет, а у мужиков в это время как раз вторая молодость.

– Да? А я и не знала. Все как-то некогда посидеть, подумать, годы бегут, бегут...

– Ну, ладно, дальше в записке: «Поэтому я ухожу к ней навсегда». Уходит навсегда, а вещи не взял, документы оставил, да мужика без военного билета куда не пропишут! С детьми не попрощался, одежды даже не взял, белья смены, это как объяснить? И потом «собаку забираю с собой», почему после подписи такая приписка? И почему только собаку, а не кошку и не попугая? Поделили животных, да? Одна собака равняется одна кошка плюс один попугай? Неравноценно.

– Это как сказать, попугай очень дорогой.

– Все подорож-жало! – немедленно отозвался попугай.

– Ну так вот, все в записке вранье: и собаку он не забрал, и уходить куда не собирался, раз вещи не взял.

Надежда еще раз внимательно рассмотрела записку.

– Постой-постой! Вот смотри, записка написана шариковой ручкой, так? А вот тут в слове «поэтому» ручка вдруг перестала писать.

– Ну, паста кончилась.

– Нет, если бы паста кончилась, дальше бы он другой ручкой писал, а тут дальше та же паста, синяя. Есть у тебя шариковая ручка самая простая, лучше синяя для чистоты эксперимента?

– Конечно, есть.

У Алки в сумке всегда был запас простых шариковых ручек для нерадивых и забывчивых учеников. Надежда вырвала из тетради листок в клеточку. Поискала толстый блокнот или книжку, подложила под листок и дала Алке, держа его полувертикально.

– На, пиши записку.

– Какую записку?

– Пиши: дорогая Алла, и так далее, быстрее только.

Алка послушно стала писать записку самой себе, ручка перестала писать на слове «ухожу».

– Вот видишь, это всем известно, что если шариковую ручку использовать на негоризонтальной поверхности, через некоторое время она перестанет писать. Дай-ка я попробую.

Надежда стала писать ту же записку, и через некоторое время ручка забарахлила на слове «навсегда».

– Все ясно, он писал эту записку в походных условиях, стола под рукой не было. И где же, интересно знать? В этой квартире столов навалом: ваш общий письменный в спальне, Пашкин у него в комнате, здесь в гостиной стол есть, на кухне, в конце концов. Ну что ты, Алка, молчишь, объясни мне, где он эту записку писал? На улице? Вот прошла мимо другая женщина, когда он с собакой гулял, он в нее влюбился с первого взгляда, мигом написал тебе записку, забежал домой, паспорт прихватил и костюм выходной, чтобы в ЗАГС идти и – ходу за ней?

– А собака как же?

– А собаку так за собой и таскал, некогда было отцепить. Тебе самой-то не смешно?

– Не до смеха мне!

– Да пойми ты, Алка, не такой твой муж человек, чтобы вот так уходить! Не в его это характере. Таким образом мальчишка семи лет может из дому сбежать, чтобы в Африку поехать на львов охотиться или в космонавты, а не солидный мужчина, доктор наук.

– И как же бедный Гаврик оказался там на шоссе?

– Вот, – Надежда стала серьезной, – я тебя к мысли подвожу, что мужа твоего Тимофеева Петра Николаевича похитили.

– Что-что? Ты, Надежда, совсем сбрендила, везде тебе преступления мерещатся. Да кому он нужен-то, зачем его похищать? Выкуп за него будут требовать, что ли? Так у меня только триста долларов, больше ни копейки в доме нет. Правда, я за него больше бы и не дала, но и этих жалко.

– А ты подумай как следует. Вот пошел он вечером в пятницу гулять с собакой, оделся попроще, как всегда. Гуляет это он на пустыре, вдруг подъезжает машина сзади, народу там не много, могли люди ничего не заметить, хватают твоего Петюнчика, Гаврюше вкалывают лекарство и заставляют Петюнчика писать тебе записку, чтобы ты его не искала. Запугали человека, он и написал. А они у него отобрали ключи, пошли к вам домой, сделали разгром, костюм выходной забрали, потому что это точно его вещь, по размеру видно – сыновья-то в тебя удались, вон какие высоченные вымахали. Прихватили они еще паспорт и деньги, а колечко и сережки какая-то сволочь просто себе в карман украла. А про доллары они не знали, муж твой им естественно не сказал ничего. И про остальные документы не доперли.

– А рукописи зачем взяли, весь ящик выгребли?

– Вот, может его из-за этого и похитили, может быть, у него в бумагах что-нибудь было. Ведь не зря он письмо спрятал про эту Анну Руммо.

– Не про нее, а про ее дом, ее-то уже и на свете нет давно. Спасибо тебе, конечно, Надя, за то, что ты за моего Тимофеева так беспокоишься, а только все это ерунда, другая баба у него есть, это точно.

– Да с чего ты взяла-то?

– Так, наверное, дня четыре тому назад звонит мне на работу какая-то женщина и говорит, что, мол, ах, простите, мне так неудобно, но не могу молчать, у мужа вашего, говорит, на работе любовница есть молодая, и весь отдел знает, всем неудобно, а они даже и не скрываются. Я, конечно, сначала растерялась, а потом и спрашиваю, кто, мол, это со мной говорит, представьтесь, пожалуйста. Она говорит, пожалуйста, Белова Лидия Васильевна, старший научный сотрудник, мужа вашего давно знаю и очень за него переживаю, а мы, говорит, с ним уже лет пятнадцать вместе работаем.

– Вот это да, что же ты мне раньше не сказала, я тут сижу, как дура, предположения строю. Ладно, пойдем все-таки поедим.

На столе в кухне сидела Марфа и спокойно вылизывала из салата сметану. Алка подкралась и больно шлепнула кошку полотенцем. Марфа улепетнула на балкон. Попугай бурно радовался в клетке.

Они поели и даже выпили по рюмочке сухого вина, которое Алка нашла в холодильнике – помянули бедного Гаврика. Алка опять всплакнула, но уже просто, без надрыва. После обеда Надежда опять стала Алку воспитывать.

– Послушай, как же так, у меня в голове не укладывается, как же ты после разговора с той теткой, узнав такое про собственного мужа, никак виду не подала.

– Да я хотела с ним объясниться, да ждала, пока Пашка уедет, а потом выпускной, а потом я дома не ночевала, думала, как раз на этих выходных поговорим, а приезжаю в субботу утром – его нет, остальное ты все знаешь.

Надежда представила, как ей звонит на работу какая-то посторонняя женщина и говорит, что у ее мужа, ее Саши, молодая любовница на работе. Какая была бы у Надежды первая мысль? Не может быть! А потом бы сразу к нему, поскандальить, все выяснить и наплевать на всякую психологию.

– Алка, ты потому так спокойно ждала несколько дней, что не поверила, да?

– Да, тогда не поверила, а теперь верю. И потом я мимоходом успела его спросить, работает ли у них такая Белова Лидия Васильевна? А он замялся так и говорит, что работает, а мне зачем? Ну, я сразу разговор на другое перевела.

– Все-таки, странно это. Никогда я за твоим мужем никаких вывертов не замечала, всегда был спокойный разумный человек.

– Сама же говорила, что в районе пятидесяти у них вторая молодость происходит, а если по-простому, то бес в ребро.

– Ну ладно, ты мне все же скажи, какие события у вас в семье случились за последние несколько месяцев.

– Ну что, – Алка начала добросовестно вспоминать, – Сашка уехал в Штаты, только это еще раньше было, прошлой осенью, кошку кастрировали, Пашка руку сломал, она уже зажила, компьютер новый купили, унитаз раскололся, всех соседей залили, пришлось не только новый унитаз покупать, но и соседке еще за ремонт миллион платить.

– Ужас, какие деньги! Слушай, это все интересно, но немножко не то. А вот с мужем твоим что-нибудь из этих событий связано?

– Ну, я не знаю. Вот разве когда Марфе после операции было плохо, думали, так и не отойдет от наркоза, я уже отступилась, так Тимофеев ночь не спал, растирал ее, кофе поил, можно сказать, он ей жизнь спас.

– Благородный поступок, ну да я в его благородстве никогда и не сомневалась. А еще что-нибудь было?

– Ой, слушай, что я все про унитазы, свекровь ведь умерла полгода назад в январе! Я просто думала, что это еще раньше было. Да я ведь тебе про свекровь и раньше говорила?

– Да, теперь припоминаю. Алкина свекровь была по-своему замечательной женщиной. Вырастив единственного сына одна, так как муж ее разбился на мотоцикле, когда Петюнчику было семь лет, она выучила его, дала образование, помогла защитить кандидатскую диссертацию и сдала в тридцатилетнем возрасте Алке с рук на руки. По внешности и по характеру она была полной противоположностью своей будущей невестке, поэтому приняла мудрое решение не жить с ней вместе ни дня. Она дала в приданое Петюнчику их двухкомнатную квартиру, а сама, не тратя времени даром, вышла замуж за своего старого поклонника, который к тому времени тоже овдовел. Общение с невесткой она свела до минимума, то есть навещала семью сына только по праздникам, да в каникулы водила внуков по музеям. Таким образом, у Алки со свекровью сохранялись идеальные отношения до самого конца жизни этой мудрой и дальновидной женщины.

– Ну и что, когда мать умерла, муж твой сильно переживал?

– Конечно, переживал, да ведь она болела, там давно к этому шло. Послушай, – Алка озабоченно поглядела на Надежду, – может это смерть матери так на него повлияла, что он, – Алка выразительно махнула рукой налево.

– Здравс-сте-пожалуйста, мать в январе умерла, а он надумал только сейчас из дому уходить! На дворе-то сегодня что – июнь! Ты лучше скажи, мать оставила ему что-нибудь?

– Да нет, ничего особенного, она ведь еще раньше когда мы поженились, квартиру нам отдала, а сама к мужу переехала, Илье Семенычу. Там книги кое-какие, фотографии, Илья Семеныч говорил, чтобы мы забрали, да я не очень спешила, потому что, сама видишь – тесно у нас, книги и так некуда ставить.

– Да, ничего подозрительного тут нет. Внезапно Надежду осенило:

– Послушай, Алка, что мы голову ломаем? Завтра понедельник, позвоним твоему Тимофееву на работу и все выясним.

– Ты что? Стану я еще унижаться, бегать за ним. Не дождется!

– Ну хорошо, я сама позвоню. Если хочешь, я даже разговаривать с ним не буду, просто послушаю его голос, пойму, что он живой и здоровый и повешу трубку. У тебя хоть телефон его рабочий есть?

– Был где-то в записной книжке. Алка нашла свою сумку в прихожей и стала в ней рыться. Сумка у нее была большая, учителю без этого нельзя, нужно, чтобы и тетради помещались, и

бумаги всякие, и методические материалы. Видя, что Алка долго не возвращается, Надежда крикнула:

– Ну что ты там возишься? Иди сюда вместе с сумкой!

Алка вошла в комнату с озабоченным видом и вывалила содержимое сумки на диван.

– Ежедневник куда-то подевался.

– Какой он из себя-то?

– Большой такой блокнот темно-зеленый, ох, беда будет, если пропадет! У меня там все дела и телефоны записаны, я без него как без рук.

Они перетряхнули все содержимое сумки, блокнота не было.

– Ты вспомни, когда ты его последний раз видела?

Алка задумалась.

– В пятницу на педсовете точно он был, я туда кое-что записывала, потом собралась, больше никуда не заходила, меня Игорь Петрович на машину прямо у школы посадил и на дачу повез. Вспомнила! Я ежедневник у них на даче оставила! Я тогда в субботу рано утром проснулась, все спят, мобильник не нашла, а спать уже расхотелось. Я и села немного поработать, кое-что записать. Там в комнате стола не было, я на подоконнике устроилась, а потом машина пришла, я быстро собралась и забыла про блокнот.

– Кто тебя обратно отвозил, Игорь Петрович?

– Нет, приехал шофер из его фирмы, и машина была другая.

– А накануне он не мог этого шофера прислать?

– Значит, не мог, что ты, Надежда людей подозреваешь!

– Потому что получается странное совпадение: как только ты единственный раз в жизни дома не ночевала, так сразу твой муж к другой ушел. Специально он ждал такого случая, что ли? А если бы ты всегда домой вовремя приходила, то он так и прожил бы с тобой до конца жизни? Ну ладно, тебе ничего не докажешь, ищи старую записную книжку, муж твой в своем НИИ много лет работает, телефон у него не менялся.

После долгих поисков Алка обнаружила в столе старую записную книжку со всеми телефонами. Решили лечь пораньше, потому что Алке на работу было к десяти, но утром надо было еще звонить Петюнчику на службу. Перед сном кошку Марфу выудили с балкона из цветочного ящика и заперли в Пашкиной комнате, а попугая выпустили полетать. Он полетал немного, потом уселся на включенный телевизор и стал смотреть рекламу стирального порошка и женских прокладок.

Наутро Надежда поднялась пораньше и разбудила Алку. Алка всю жизнь любила поспать, разбудить ее можно было только, если как следует потрясти и сдернуть одеяло. Надежда в детстве занималась этим довольно часто, когда они с Алкой отдыхали летом в пионерлагере. Интересно, кто будил Алку все эти двадцать лет? Разумеется, Петюнчик. Вспомнив, что это за каторжная работа, Надежда почувствовала к нему сострадание.

С завтраком решили не заводить, выпили наскоро кофейку и, пока Алка приводила себя в порядок, Надежда набрала номер рабочего телефона ее мужа. Она прокашлялась и постаралась вложить в свой голос максимум приветливости.

– Аллю! – раздалось в трубке.

– Добрый день, могу я попросить к телефону Петра Николаевича? – пропела Надежда с восходящей интонацией.

– Не можете! – женщина на том конце говорила мужским басом.

– А почему? – растерялась Надежда.

– Нет его и не будет! – в трубке раздались гудки.

Алка выглядела удовлетворенной.

– Вот, слышала, он велел нарочно так по телефону отвечать, чтобы я его не разыскивала.

– Глупости, это же учреждение, просто попалась хамская баба, я потом перезвоню и все выясню. Ты собирайся, а то опоздаешь.

Алка накрасилась, причесалась, надела синий костюм в мелкий беленький цветочек, и зазвучав старших классов Алла Владимировна Тимофеева торжественно отбыла на работу. После ее ухода Надежда немного прибралась в квартире, покормила животных, натянула осточертевшие джинсы и поехала домой, чтобы там переодеться, полить цветы, забрать кое-какие вещи и вернуться обратно к Алке, потому что Алка решила ехать на дачу и выпарапать свой блокнот во что бы то ни стало, без него она как без рук. При вопросе Надежды, почему бы Алке не позвонить Игорю Петровичу и не попросить привезти блокнот, выяснилось, что Алка телефонов Игоря Петровича не знает, ни домашнего, ни служебного, и единственный ориентир – это дача на Выборгском шоссе, которую Алка собиралась искать по памяти. Разумеется, Надежда не могла отпустить эту сумасшедшую одну.

Дома Надежда с грустью посмотрела на обшарпанную прихожую, выбросила засохший клей вместе с тазиком в мусоропровод, вспомнила, что телефон не работает и опять расстроилась по этому поводу, собрала необходимые вещи, тщательно заперла двери и ушла, по дороге заглянув к соседке Марии Петровне и вкратце обрисовав ей ситуацию.

Алка вернулась раньше нее и уже успела что-то приготовить на обед. Вообще, работа повлияла на нее очень благотворно, она вернулась бодрой и энергичной, словом, это была прежняя Алка, которую Надежда помнила с детства. После обеда Надежда опять подошла к телефону, хоть Алка и была против. На звонок ответил интеллигентный мужской голос, но на просьбу позвать к телефону Петра Николаевича, голос слегка замялся, а потом ответил, что Тимофеев Петр Николаевич не работает у них с февраля месяца. Надежда растерялась:

– Как это не работает? А где же он работает?

– Этого я вам сказать не могу. Он уволился по собственному желанию.

– А вы не можете мне дать его служебный телефон?

– Он никому не оставил своего служебного телефона, сказал, что там маленькая фирма, в то время они переезжали. Вы позвоните ему домой, если он вам так нужен.

– Спасибо, – грустно ответила Надежда, – там никто не отвечает.

Она вдруг вспомнила одну вещь и почти взмолилась:

– Прошу вас, не вешайте трубку, скажите, у вас работает Белова Лидия Васильевна?

– Раньше работала, а теперь она уже два года на пенсии, только она не Лидия Васильевна, а Любовь Ивановна.

Надежда подумала секунду и попросила домашний телефон правдолюбки и моралистки Лидии Васильевны то бишь Любви Ивановны Беловой. Бывают же такие люди, сама на пенсии, а до всего ей дело! Вместо того, чтобы спокойно сидеть на даче с внуками и растить там зелень и цветочки, эта мымра звонит Алке на работу и портит настроение разговорами про молодую любовницу! Хотя, как это она могла узнать про любовницу, если. Во-первых, сама давно на пенсии, а, во-вторых, Петюнчик-то уже полгода как на другой работе. Тем более, интересно с ней побеседовать.

Надежда поблагодарила любезного обладателя приятного голоса и повесила трубку. Алка, которая не удержалась и подслушала весь разговор, смотрела на нее в полном обалдении. Надежда решила ее не щадить, что это такое в самом деле, ничего про собственного мужа не знает.

– Ну что ты мне можешь сказать по этому поводу?

– Ничего, ничего я уже не знаю! – в Алкином голосе прозвучали истерические нотки.

– Да уж, если он полгода скрывал, что на другую работу перешел, то мог и бабу завести у тебя под носом, ты бы все равно ничего не заметила, – безжалостно добавила Надежда, набирая телефон Беловой.

Ответил молодой женский голос и на просьбу позвать к телефону Любовь Ивановну, рассмеялся.

– Теперь только в сентябре. Она в деревне в Псковской области на все лето. Как уехала в мае, так теперь до осени.

– А позвонить туда можно?

– Что вы, какое звонить! Там глушь такая, сто километров до поселка, где почта есть.

– Слышала? – спросила Надежда, закончив разговор. – Не она тебе звонила.

Она себе спокойненько живет в деревне и знать не знает, что кто-то ее именем прикрывается.

– Да какая разница? – безучастно ответила Алка.

От ее энергии не осталось и следа.

– Ну ладно, – Надежда уже жалела подругу, – собирались ехать, так давай, а то уже четвертый час, хоть и белые ночи, а все равно не хочется за городом поздно бродить.

– Поехали.

– Ты что, так и собираешься идти в этом костюме и на каблуках? Сама же говорила, что шесть километров от станции пешком.

– Конечно, но знаешь, как-то неудобно в затрапезном виде, все-таки приличные люди.

– Ничего страшного, не шокируют их наши тапочки!

Алка надела босоножки на низком каблуке и легкое платье в красный горошек, так как на улице стояла жара. Надежда поморщилась при виде горошка, потому что при Алкиных габаритах горошин было слишком много, но ничего не сказала.

Они поехали на метро на Финляндский вокзал, сели там на зеленогорскую электричку и вышли в Песочной.

– Ну, и куда теперь?

– Теперь спросим, как идти в поселок Рейволово, что на Выборгском шоссе. Пока пойдем по этой дороге, она нам по направлению подходит.

Через некоторое время они встретили мужичка на велосипеде, который ехал к станции. Судя по сетке пустых бутылок, которую мужичок очень оберегал, это был местный житель. Надежда спросила, правильно ли они идут к Рейволово. Он ответил, что правильно, и что совсем недалеко.

– Конечно, по местным меркам это недалеко, тем более, он на велосипеде.

Однако не прошло и получаса, как показался поселок.

– Это не тот, – сказала Алка, – мы ведь прошли всего километра два. Ладно, хоть водички попьем из колонки.

По поселку они брели не спеша. Алка выглядела как-то странно. Она кружила, вертела головой по сторонам, как потерявшаяся собака, норовила свернуть в боковые переулки. Наконец Надежда потеряла терпенье:

– Алка, что с тобой происходит?

– Послушай, что-то здесь мне смутно напоминает, вот давай свернем в эту улочку.

Когда они свернули и прошли немного, Алка вдруг встала как вкопанная.

– Вот же эта дача! То-то я гляжу, мне все знакомо, но как же так, а они говорили – шесть километров до станции.

Надежда внимательно осмотрела дачу. Дом был старый, двухэтажный, на калитке висела табличка: ул. Карякова, дом 5. Интересно, кто такой Каряков?

– Да, это тот поселок, шоссе близко, слышишь – машины шумят? Послушай, а ты уверена, что это именно та дача? Какая-то она запущенная, я думала, что у твоих знакомых вилла.

– Да нет, Елена говорила, что они ее только что купили, место им понравилось, потом будут перестраивать. Пойдем, может она дома?

– Алка, а кто такой Каряков?

– Откуда я знаю!

Надежду что-то беспокоило, какое-то у нее было нехорошее предчувствие. Дача находилась в конце переуллка, а по другую сторону был небольшой лесочек – редкие сосенки и черничник.

– Вот что, Алка, ты иди одна, а я тебя тут подожду, в лесочке. Что-то мне тут подозрительно. В случае чего тревогу подниму.

Алка неуверенно пошла к дому, постучала, потом открыла калитку. Надежда в это время обнаружила пень и устроила на нем наблюдательный пункт. На Алкин зов на крыльцо вышла женщина, которая даже отдаленно не напоминала жену директора фирмы. Лет ей было под пятьдесят, а может, и больше, Надежда издали не разглядела, одета эта тетка была в старые тренировочные штаны и в старую мужскую рубашу, причем по летнему времени, рукава у рубашки были оторваны с мясом. На голове у хозяйки дачи была мелкая жиденькая «химия».

– Ошиблась, наверное, Алка, все перепутала, не та это дача, – сказала Надежда самой себе.

Со стороны дачи, между тем, раздавались громкие голоса. Кричала тетка, потом и Алка повысила голос. Она махала руками и показывала куда-то вверх, хозяйка дачи тут прямо завизжала:

– Толик!

На шум откуда-то из-за сараев выскочил тощий мужичок, лысовато-седоватый, в таких же как у жены тренировочных штанах. Очевидно, это и был Толик. Он унял визжавшую тетку, тихо поговорил о чем-то с Алкой и настойчиво повел ее к выходу. У калитки Толик широко повел в стороны руками и улыбнулся Алке на прощание, только лучше бы он этого не делал, потому что при улыбке стало заметно, что половины передних зубов у него нет, но не подряд, а через один, так что, улыбаясь, Толиков рот здорово походил на шахматную доску. Алка вышла из калитки с потеряннм видом и, не заходя в лесочек за Надеждой, побрела по улице. Пригибаясь, Надежда бросилась наискосок и перехватила Алку на перекрестке, где их не было видно с дачи. В глазах у Алки стояли слезы. За все время знакомства их с Алкой с третьего класса, Надежда видела Алку плачущей раза три, не больше, причем последний раз это было лет десять назад на похоронах их общей школьной подруги, которая умерла скоропостижно и оставила троих детей. Была еще вчерашняя залитая слезами кошка, но Надежда была почти уверена, что вчера Алка работала на публику. Видно, очень уж достала Алку вся эта история с исчезновением мужа, если от обычного человеческого хамства глаза были на мокром месте.

– Алка, ты что, ну успокойся. Конечно, у тебя сейчас не самый лучший период, но реветь-то зачем?

– Слушай, я же не сумасшедшая, я же точно помню, что была именно на этой даче, я же три раза сюда приезжала! Дом большой, двухэтажный, сбоку башенка, там на тропинке корень. Я два раза об него спотыкалась!

– А они что говорят?

– Говорят, что знать не знают никакой Елены и Игоря Петровича, дача эта их уже много лет, никому они ее не сдавали, сами тут летом живут. Но я же помню даже окно той комнаты на втором этаже, я прошу по-хорошему, мол, посмотрите на подоконнике мой блокнот, я и уйду. Так эта тетка давай орать, потом Толик пришел, муж ее, со мной так ничего, но выпроводил, да ты сама видела. Господи, неужели я и правда рехнулась?

– Алка, спокойно, не распускайся. Сейчас пойдем вкруговую, вернемся опять в тот лесок, сядем на пенек и подумаем.

Они опять вернулись на Надеждин наблюдательный пункт, Алка достала сигареты.

– Осторожней ты, пожар не устрой, смотри, сушь какая стоит!

– А хоть бы и сгорела эта чертова дача! Издеваются ведь надо мной! – Алка была настроена очень агрессивно. – Послушай, ты меня много лет знаешь, могу я так все перепутать?

Надежда молчала, собираясь выразиться поделикатнее, чтобы не обидеть Алку. Насколько она знала, Алка всегда была женщиной здравомыслящей, но все же такие события в жизни кого угодно подкосить могут. Сначала находишь дома записку, что муж ушел к другой, потом сообщают об убитой собаке, потом выясняется, что муж уже полгода как поменял работу и работает теперь вообще неизвестно где. Такие события и поодиночке-то могут надолго выбить человека из колеи, а уж если все вместе, то запросто сдвинуться можно. Алка увидела ее смущенное лицо и рассвирепела:

– И ты тоже мне не веришь? От тебя уж не ожидала, подруга, называется!

В это время во дворе дачи возникло какое-то движение. Калитка отворилась и из нее бочком выскочил шахматнозубый Толик. Он что-то сердито выговаривал во двор, видно, доругивался с женой. Алка отодвинула Надежду и взгромоздилась на пенек.

– Куда ты со своими горошками, – зашипела Надежда, – на весь поселок твои горохи видать!

– Куда ж мне деться?

– Хоть в канаву падай, только чтобы он тебя не заметил.

Толик, между тем, нервно оглядываясь, поспешил в сторону станции.

– Куда это он намылился? В магазин, что ли? Так с собой ни сетки, ни сумки. Уезжает в город?

– Вот что, – Надежда повернулась к Алке, – ты говорила, телефона на даче нету?

– Нету, по мобильнику звонили.

– Так похоже, что он на станцию звонить идет. Если бы уезжать, он оделся бы попрличнее, а так он только маечку надел, а штаны те же тренировочные. И с пустыми руками не поехал бы. Хоть лука пучок прихватил. Так, он меня не знает. Пойду-ка я за ним потихоньку, а ты сиди тут карауль, но не высовывайся, а минут через сорок выходи мне навстречу, только чтобы он тебя не заметил, когда возвращаться будешь.

Толик уже свернул на главную улицу поселка, Надежда бросилась за ним наискосок через лес, чуть не провалилась в канаву, потом выбралась на улицу и пошла, стараясь не упустить Толика из виду... Так они прошли почти два километра до станции, на сильно открытых местах Надежда пряталась за придорожные кусты. Вот показалась платформа, электричка в город только-только отошла, и не платформе никого не было. Толик, не выразив никакой досады, что электричка отошла, направился прямо к двум телефонам-автоматам, стоящим рядом в конце платформы возле туалета. Надежда ускорила шаг, поглядывая искоса на шахматнозубого. Тот выскочил из будки, не пробыв там и секунды. Заскочил во вторую, бросился к окошечку билетной кассы, отошел оттуда, несолоно хлебавши и ту увидел Надежду, поднимающуюся на платформу.

– Женщина, женщина! – Толик запыхался на бегу. – У вас жетона метро не найдется?

Расчет Надежды оказался верен. Один телефон работал только от жетонов, а метро было очень далеко от этой станции, по второму можно было звонить только по карточке. У Толика возникли проблемы.

– А вам зачем жетон? – подозрительно спросила Надежда.

– Позвонить.

– Ах, позвонить! Жетона у меня нет, но есть телефонная карта. Я могу вам дать один раз позвонить, а вы мне отдадите стоимость жетона.

Толик был согласен на все. Надежда, изображая из себя выжигу, направилась прямо за Толиком. Она сама вставила ему карточку и проследила, какой он набирал номер, правда, на двух последних цифрах он глянул на нее так выразительно, что пришлось отвернуться. Толик вернул ей карту и сделал знак отойти. Надежда скрылась в туалете. Дверь под буквой «Ж» была расположена почти рядом с телефонной будкой – весьма оригинально решение железнодорож-

ного начальства. Стекла в будке были выбиты, Надежда прикрыла дверь неплотно и приникла ухом к щели. Автомат был неисправен, Толик громко кричал:

– Алло, алло, это я, из Рейволова, Толик! Приходила какая-то тут, в дом прямо лезла.

Толик помолчал, прислушиваясь. Надежда увидела в щелку, что лицо его было очень серьезно, даже испуганно. Из трубки неслся крик, но слов было не разобрать.

– Зачем приехали? Огород поливать, вот зачем. Жара такая стоит. Мы с этого огорода всю зиму питаемся.

Толик еще послушал, потом резко сбавил тон.

– Понял, ничего не знаю, будем сидеть тихо, все понял.

Он повесил трубку, выругался и пошел обратно в поселок. Выждав несколько минут, Надежда вышла из своего укрытия, записала предполагаемый номер телефона на старом конверте и уселась в тени на лавочке, размышляя над цифрами. Через полчаса появилась Алка, сказала, что от Толика она спряталась в лесу и он ее не заметил.

– Вот послушай, Алка, он звонил по телефону, кому-то жаловался, что ты пришла и пристаешь к ним. А на него там ругались, зачем они сюда на дачу приехали. В общем, так. Дачу эту у них снимали. Твой Игорь Петрович или как он там на самом деле называется. Они тебя сюда специально возили, им нужно было тебя на ночь изолировать, они нарочно ждали, когда Пашка уедет, чтобы в доме никого не было. А мужа твоего похитили, я тебе говорила, может ты теперь согласишься!

– Тише ты, вон люди смотрят. Что же теперь делать?

– Думать, вот сейчас в электричке все сообразим.

Они сели в полупустую электричку, и Надежда показала Алке номер телефона.

– Вот что я успела записать, пока он меня не турнул. Только две последние цифры я не видела, а на слух определила: одна где-то посередине, 5 или 6, а другая или 9, или 0. Значит, получается у нас шесть номеров, если все комбинации перебрать. Сейчас запишем их все, приедем домой и будем звонить.

– Скажем какую-нибудь ерунду, только чтобы узнать, тот ли это номер, а потом как-то нужно будет узнать по номеру телефона адрес. И еще вот что, ты говорила, что они на тебя вышли, сославшись на старую приятельницу?

– Да, была такая Ира Стрельникова.

– Звони ей, может она что знает, кто такие эти люди.

Приехав в город, они прямо с вокзала позвонили по трем номерам. Два номера не ответили, то ли это были номера офисов, то ли люди просто в отпуске по летнему времени, по одному номеру пьяный голос послал их подальше. Выйдя из метро у Алкиного дома, они нашли еще один телефон-автомат. Надежда постукивала по трубке, создавая помехи, и говорила глухим голосом.

– Алло, алло, это я, из Рейволова.

– Ну и что? – поинтересовался мужской голос.

– Как – что? Она опять приходила, скандалила, грозилась милицией. Что нам делать?

– Снять штаны и бегать по Рейволову! – в трубке нахально заржали.

– Да, это мы опять не туда попали, – смущенно пробормотала Надежда, вешая трубку.

Еще по одному номеру ответила глухая старуха, было ясно, что это тоже не то. Алка все порывалась уйти домой, но Надежда набрала последний номер.

– Алло, алло, это я, из Рейволова!

– Что еще у вас случилось? – холодно спросил женский голос.

– Она приходила опять, сказала, что завтра явится с милицией. Что-то она там оставила на даче, что ей очень нужно.

На том конце помолчали, потом последовал твердый приказ:

– Ничего не предпринимайте, ждите до утра, я приеду.

– Ну вот, – сказала Надежда, – теперь мы знаем номер.

– Ну и что, что номер знаем?

Алка была усталая и голодная, в таком состоянии с ней было очень трудно разговаривать.

– Определим по номеру адрес, я найду знакомых. А вообще-то Алка, надо тебе в милицию заявить, что муж пропал.

– Чего это я буду заявлять? Что меня муж бросил? И что я его хочу при помощи милиции вернуть? Так и подавать заявление в районное отделение? Ты что, хочешь, чтобы надо мной полгорода смеялось? Стыд какой!

– Но ведь записка – это липа.

– А кто в это поверит? Есть записка? Есть! Почерк его? Его! Так идите, дамочка, домой и не смешите людей. Раньше надо было думать, а то довела мужика, что он в одном костюме из дому сбежал, а теперь по милициям бегаешь!

– А кепочка, которую мы на пустыре нашли? Ведь если служебная собака ее понюхает...

Алка вздохнула:

– Ох, и любишь, ты, Надежда, сочинять. Уже целую историю выдумала, а теперь факты под нее подгоняешь. Тебе бы писателем быть, сочиняла бы детективы, как русская Агата Кристи, глядишь, и разбогатела бы. В тебе с детства такие задатки, это я как педагог говорю. И потом, как ты думаешь, куда нас служебная собака приведет, если тимофеевскую кепочку понюхает? Прямо к ризеншнауцеру со второго этажа, а я и так знаю, где он живет.

Так мило препираясь, они дошли до дома. На кухне был полный разгром и наблюдались следы если не трагедии, то драмы. Покрывало с попугайской клетки было стянуто, даже один прут погнут, на полу валялись зеленые перышки. Сам попугай Кеша нахохлился в углу клетки и имел очень несчастный вид. Алка оглядела следы баталии и побежала по квартире, ища кошку. Но хитрая бестия так спряталась, что найти ее не было никакой возможности. Осмотрели гостиную, спальню – безрезультатно.

– Не найти нам ее. Если она в Пашкиной комнате, там, как в горах, можно годами скрываться.

– Что же это она так распоясалась?

– Так раньше Гаврик был, он всегда попугая защищал.

– Гавр-р-рюша! – жалобно откликнулся попугай.

Алка опять расстроилась.

– Вот, все наперекосяк, а Марфа чувствует, что порядка нет и совсем обнаглела.

– Стер-р-р-ва! – заорал попугай, при виде хозяйки он явно приободрился.

– Слушай, надо что-то делать. Если она так его каждый день будет по клетке гонять, попугай не выдержит, помрет от разрыва сердца.

– Завтра запиру эту заразу на весь день в ванной, вот и будет ей наказание.

– Пр-р-равильно, кар-р-цер! – возликовал попугай.

– Давай их накормим, да у нас еще одно дело, ты хотела этой Ире Стрельниковой звонить, узнавать, откуда эти люди взялись, Игорь Петрович пресловутый.

Зазвонил телефон. Надежда, по договоренности с Алкой, взяла параллельную трубку.

– Здравствуйте, Аллочка, дорогая, это Илья Семенович. А муж ваш дома?

– Да нет, Илья Семенович, он... он в командировке, – Алка соврала, повинуясь Надеждиному знаку.

– Не в Эстонии?

– Д-да, кажется.

– Значит, удалось ему пробить командировку в Эстонию?

Поскольку Алка молчала, Илья Семенович продолжал:

– Вы уж меня, Аллочка, извините, но я напоминаю, что вы обещали вещи забрать, что от Метты остались. Я, видите ли, переезжаю.

– Куда же вы, Илья Семенович?

– К дочке, в ее трехкомнатную, а сюда – Юлька, внучка, переедет. Она замуж на той неделе выходит. Так что торопят меня, да тут еще история такая... Алка встревожилась:

– Что случилось, Илья Семеныч? Вы здоровы?

– Да, все в порядке, вот придете – расскажу, по телефону уж не буду. Когда вы сможете?

– Да хоть завтра днем, с утра на работу забегу, а потом к вам часа в два. С подругой мы зайдем, можно?

– Милости прошу, буду ждать! Алка повесила трубку и, отвечая на молчаливый вопрос Надежды, сказала:

– Это свекрови муж, Илья Семенович. Видишь, дочка его к себе забирает. Тоскует старик сильно, болеет, наверное. Надо там барахло забирать, завтра пойдем.

Надежда только вздохнула – опять ей домой не попасть! Сели ужинать и обнаружили, что в холодильнике мало продуктов.

– Алка, это не дело. Надо готовить, а то заболеем, если так будем перебиваться.

Алка оглядела свою мощную фигуру.

– Может, я похудею от переживаний?

– Вряд ли, на бутербродах-то. Звони скорей Стрельниковой, а то поздно, людей неудобно беспокоить.

– А как звонить-то? Ежедневник пропал!

Алка вспомнила про сегодняшний поход на дачу и снова рассвирепела.

– Чтоб она сгорела, эта дача! Сволочи, врут нагло в глаза и не краснеют!

Она подошла к телефону и стала по памяти набирать номер своей приятельницы по школе. Та номера Стрельниковой не знала, долго искали человека, который знает, наконец, нашли, но там никто не отвечал.

– Может, люди в отпуск уехали? Последний раз наберу.

Но телефон зазвонил сам.

– Попросите Петра Николаевича, – голос солидный, твердый.

– Его нет, а кто его спрашивает?

– Это с работы говорят. Он что, заболел?

– С работы? – Алка решила перейти в наступление. – В такое время – с работы? Вы на часы-то глядели? У вас там что – ночная смена?

– Так где же все-таки, Петр Николаевич находится? Он сегодня на работу не вышел, мы беспокоимся.

– Не знаю я, где он находится. Нет его дома с субботы.

– Он что, пропал? Или уехал куда-то? За ним такого никогда не водилось?

– Вам лучше знать и оставьте меня в покое! – Алка бросила трубку.

– Алка, ну что ты сделала, надо было с человеком поговорить нормально, все выяснить. Вот видишь, раз он на работе не предупредил, значит, точно, про его уход от тебя – это все вранье, надо в милицию обращаться.

Но Алка, что называется, уперлась рогом.

– Сказала, не пойду в милицию, значит, не пойду!

Закончив эти бесполезные препирательства, Надежда легла спать. Кошку в тот вечер так и не нашли.

Машина с тонированными стеклами притормозила на Выборгском шоссе возле указателя «Поселок Рейволаво». Водитель, им оказалась женщина, вышла, огляделась, потом опять села в машину и проехала еще немного вперед. Почти сразу за указателем начинался знаменитый малинник, который идет почти вдоль всего Выборгского шоссе, прерываясь только возле поселков и деревень. Женщина свернула с шоссе, кювета не было. Она поставила машину так, чтобы с шоссе ее прикрывал малинник, а со стороны поселка – сосновый лесок. Из машины

вышли трое. Двое неприметно одетых парней достали из багажника канистры с бензином, женщина шла налегке. Пока срезали путь через лес, женщина шепотом давала последние наставления:

– Дверь со стороны веранды открыть легко, замок простой, вот ключ. А главную дверь они на внутренний засов запирают. И помните, я вам деньги плачу не за пожар, а за убийство. Так что не вздумайте дом снаружи бензином полить и поджечь. Сначала хозяев нейтрализуйте, а поджигайте изнутри. Уходить будете через веранду, а потом задами лесочком. Я буду вас в машине ждать.

Когда они дошли до деревни, было три часа ночи, для июня время самое темное. Женщина показала дом на улице Карякова и пошла к спрятанной машине. Через некоторое время показались бегущие парни.

– Как все прошло?

– Нормально, они не проснулись. Едем скорее, а то сейчас как полыхнет.

Машина выбралась на шоссе и газанула по направлению к городу.

Соседи заметили пожар, когда полыхало уже вовсю. Дом был старый. Высохший, занялся как факел. Пожарные приехали, когда крыша уже провалилась. Они еще долго поливали соседние дома. От дома номер пять по улице Карякова осталась одна печка.

Наутро встали рано, Алке надо было на работу к девяти. На улице было пасмурно, Надежда включила радио, чтобы послушать погоду. Алка плескалась в ванной.

– А теперь сводка из управления пожарной безопасности.

Специально выделенный пожарный скучным плохо поставленным голосом зачитал сводку. Надежда крутилась на кухне, лилась вода, она не слушала сводку, как вдруг:

– Сегодня ночью в поселке Рейволово, что по Выборгскому шоссе, сгорел дом по адресу улица Карякова, дом пять. На пепелище обнаружены два трупа, очевидно, это были хозяева дачи. Граждане! – пожарный заговорил по-человечески. – Будьте осторожны с электроприборами и не курите в постели.

Чашка с кофе выскользнула у Надежды из рук, упала и разбилась. Кофе разлился и обжег ей ногу.

– Алка! – заорала Надежда.

Алка появилась в дверях ванной, пытаясь завернуться в купальное полотенце. Поскольку это было все-таки полотенце, а не двуспальная простыня, Алке при ее габаритах полностью завернуться не удалось, она держала полотенце рукой и недовольно спросила:

– Что случилось?

– Ты говорила, чтобы та дача сгорела, вот она и сгорела.

– Что-что?

– Сейчас пожарный по радио сводку зачитывал, сгорела дача в Рейволово.

– Точно та дача?

– Точно, Карякова, дом 5, кстати, кто такой Каряков?

– Да откуда я знаю? Если дача сгорела, теперь без разницы.

– Алка, там два трупа нашли.

– Да? А ежедневник мой теперь уж точно не найти.

Надежда возилась с полом, убирала осколки чашки, про завтрак они забыли. Мыслей в голове у Надежды почти не было, потом они появились, и были очень нехорошие. Она отправилась в комнату. Алка сидела на диване и внимательно рассматривала себя в зеркало.

– Алка, ты что? Нашла время. Алка думала о своем.

– Надо же, как интересно, как только я вчера им пожелаала, чтобы дача сгорела, так она сразу и сгорела. Как думаешь, может у меня парапсихологические способности?

– Что-что? – Надежда рассмеялась, потом рассердилась.

– Алка, немедленно перестань валять дурака. Ведь это мы виноваты, что те люди погибли. Если бы мы не приперлись в Рейволово, а потом не стали звонить от их имени, дачу бы не подожгли. А так те испугались, что мы действительно с милицией придем, шум поднимем, и концы в воду, вернее, в огонь.

Алка выглядела разочарованной.

– Да? А я-то думала, что это у меня такой дар открылся. Вечно ты, Надежда, человека разочаруешь. А насчет того, что мы виноваты в их смерти, ты не права. Если бы они сразу отдали мне мой ежедневник, я бы сказала спасибо и ушла, и с ними бы ничего не случилось.

Если бы они тебя в дом пустили, ты бы стала спрашивать, кто они такие, да где Елена, что-то заподозрила бы. В общем, эти двое пострадали от собственной глупости и жадности, не надо было с сомнительными личностями связываться.

Подруги перебрались на кухню и заварили свежий кофе. Надежде не давали покоя мрачные мысли.

– Интересно, как они это проделали? Наверное, сначала хозяев оглушили, потом дом подожгли. Хорошо, если бандитов ночью никто не видел, а если соседи заметили что-нибудь подозрительное, то будет милиция это дело расследовать. Спросят, что накануне было, а твое платье в красный горошек весь поселок заметил. И что тебя вечно тянет на яркое? Надела бы что-нибудь темненькое-скромненькое, для маскировки хорошо.

Алка обиделась:

– Хорошее платье, турецкое, лето ведь, хочется поярче.

– Вот теперь и будем трястись. Выброси ты это платье совсем.

– Еще чего! Оно почти новое.

– Тогда спрячь до следующего лета. Появилась кошка Марфа: голод не тетка, заставил ее вылезти из своего убежища. Алка накинулась на нее коршуном, провела воспитательную беседу, покормила и заперла в ванной. Попугай восторгался в клетке. Его тоже накормили и выпустили полетать. Алка позвонила еще раз Ире Стрельниковой, но там по-прежнему никто не отвечал. Тогда она хватилась, что уже и так все сроки прошли и умчалась на работу, а Надежда села на телефон с мыслью найти человека, который помог бы ей узнать адрес и фамилию абонента по имеющемуся у них телефонному номеру.

Первым, кому позвонила Надежда, был ее давнишний приятель Валя Голубев. Они много лет работали в одном институте, и сейчас тоже их обоих выгнали в принудительный отпуск, только Надежда сидела дома, а Валька, как отец семейства, где-то халтурил. Однако Надежде повезло, в этот день у Вали оказался выходной, он внимательно выслушал ее просьбу, обещал подумать, поискать по знакомым и позвонить. Надежда немного прибралась в квартире, вымыла посуду, привела себя в порядок и загнала попугая Кешу обратно в клетку. После этого позвонил Валя Голубев и сказал, что все в порядке, у его старшего сына оказалась знакомая девушка, которая работает в городском телефонном узле, только надо подъехать туда, конфет коробочку сvezти или еще какую мелочь. Надежда поняла, что все это только предлог, такой вопрос можно было решить прямо через сына, просто Вальке скучно, и он хочет встретиться с Надеждой. Очевидно он заподозрил, что Надежда опять влезла в какую-нибудь историю, как тогда, два года назад, когда у них в институте творилось черт знает что, убийства следовали одно за другим, и Надежда с Валькой оказались прямо в центре этих невероятных событий.

Они встретились с Валею на Невском, прошлись пешочком, пока не начал накрапывать дождик. Девушки не было на месте, они посидели немного в кафе, съели мороженое, Валька все пытался дознаться, зачем Надежде этот адрес, что там за интрига и так приставал, что Надежда рассказала ему в общих чертах, не называя имен про Петюнчика и про его записку, и что она, Надежда чувствует в этом деле какой-то подвох. Надеждиной интуиции Валя всегда доверял безоговорочно, поэтому он сразу посерьезнел и сказал, что она может на него рассчитывать, он всегда поможет.

– Машина у тебя на ходу?

– Сделаем! К завтраму все будет. Во второй половине дня я свободен.

Они нашли знакомую девушку с телефонного узла и выяснили адрес. Телефон был частный, зарегистрирован на Кузнецова Владимира Осиповича, но это им не о чем не говорило.

– Скорее всего, никакого Игоря Петровича в природе не существует, и фирмы у него нет, это они Алке лапшу на уши вешали.

Они расстались до завтра, Валя обещал приехать на машине и отвезти их по адресу, а там уж проследить за домом, как получится.

К Илье Семенычу успели только к четверем, но старик не обижался, все равно дома сидит, делать нечего. Он оказался очень приветливым и славным, усадил Алку с Надеждой пить чай, развлекал разговорами. Сказал, что очень сожалеет, что побеспокоил, но переезд ждать не может: во-первых, внучка выходит замуж. А во-вторых, произошла с ним небольшая неприятность, дня три тому назад или раньше, вышел он утром в магазин и прогуляться, отсутствовал часа два, приходит – дверь открыта и соседка Майя Борисовна на табуреточке у двери сидит, караулит. Он испугался, думал – воры залезли, все унесли, а оказалось – ничего не тронули. Майя Борисовна стала из дому выходить, она обычно долго дверь свою открывает, четыре замка у нее. Она-то никого не заметила, а воров, очевидно, спугнула, те и убежали. А дочка его говорит, что и не было никаких воров, что это Ильа Семеныч сам забыл дверь закрыть. Они молодые думают, что все старики поголовно в маразме, а он точно помнит, что дверь запирает. Но с дочкой не поспоришь, вот теперь переезжает. Вот эти коробки и забирайте, Петя после смерти мамы своей много раз к нему приходил, все нужное отобрал и сам упаковал. Долго все фотографии рассматривал, все собирался в Эстонию съездить, очень его туда тянуло.

Подруги засиделись у гостеприимного Ильи Семеныча, пока перевязывали веревками свертки, потом ловили машину, потому что ехать на метро с такой тяжестью было невозможно: одна большая коробка с книгами и два свертка поменьше с бумагами и фотографиями.

Подъезжая к дому, Алка вспомнила, что опять забыла купить продукты.

– Ты езжай прямо к дому, подожди меня внизу, я сейчас, – она выскочила на перекрестке у магазина.

Надежда расплатилась с шофером, он выгрузил тюки и уехал. Она по очереди перетаскивала вещи к парадной, и тут бабушки, сидящие на лавочке, сообщили ей, что лифт не работает. Хорошо, что этаж не девятый, а третий.

Надежда взяла два тюка поменьше и потащила их по лестнице. На площадке третьего этажа у Алкиной квартиры она поставила вещи на пол, достала ключи и тут вдруг откуда не возьмись возникли двое мужчин, довольно молодых. Они встали у нее по бокам, один в очках спросил:

– Вы жена Петра Николаевича Тимофеева?

Надежда от неожиданности ошарашена, вытаращила глаза и издала горлом звук, который те двое приняли за утверждение.

– Мы бы хотели с вами побеседовать.

– А вы кто, вы из милиции? – спросила Надежда, обретая способность говорить.

– Да, в некотором роде, – пробормотал очкастый, а второй, смуглый брюнет помоложе, взял Надежду за локоть и сильно сжал.

– Давайте пройдем в квартиру и поговорим, не надо шуметь на лестнице.

– Почему это не надо? – Надежда заорала в полный голос. – Вы кто? Из милиции? Предъявите документы! – последние слова она гаркнула так, что на всех этажах было слышно.

– Тихо, тихо, – прошипел брюнет, – не очень-то.

– Ах ты! – Надежда вырвалась, оттолкнула брюнета, но очкастый в это время завладел ключами и попытался открыть дверь.

У Алки было две двери, первая – железная. Пока очкастый возился с замком, Надежда боролась с брюнетом. Брюнет просто держал ее за руки, но было больно. Залепив каблуком брюнету по ноге так, что тот охнул, Надежда вырвалась, отпихнула очкастого, проскочила в квартиру и попыталась захлопнуть дверь. Это ей не удалось, очкастый дернул дверь, но Надежда вцепилась руками в косяк, а сама орала во все горло:

– Караул! Грабят!

Очкастый морщился и пытался заткнуть ей рот, тут подскочил брюнет и, пробормотав какое-то ругательство, так сильно дернул Надежду за руки, что она выпустила косяк, но тут же ухватила за вешалку. Они с брюнетом загораживали собой проход, очкастый не у дел топтался у двери, и в это время Надежда увидела, как по лестничной площадке крадется Алка, держа наперевес тяжеленный тюк с книгами и словарями. Надеждины противники видеть Алку не могли, глаз на спине у них не было. Алка на цыпочках подбежала к двери в квартиру, подняла тюк повыше и с глубочайшим удовлетворением на лице опустила его на голову очкастого. Тот рухнул на пол молча, как мешок. Брюнет повернул голову на стук и тут Надежда, вспомнив молодость, пнула его коленкой изо всех сил в самое чувствительное мужское место, да так удачно, что он забыл обо всем, скорчился и застонал. Надежда выпихнула его на площадку, а очкастого, наоборот, втащила, потому что он лежал на пороге и не давал закрыть дверь. Алка тем временем подхватила вещи и сумку с продуктами, они захлопнули дверь и увидели в глазок, что брюнет удаляется нетвердыми шагами. Все происходящее заняло не более семи минут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.